

в сфере борьбы за власть и реализации власти привели к искусственной политизированности российского общества и прессы. Политический медиадискурс «Новой газеты» представляет собой сложный и многогранный процесс человеческого общения в структурированном виде. Реализуясь в рамках определенного издания, медиадискурс газеты отражает особенность целевой аудитории «Новой газеты» – интеллектуальной, образованной и критически мыслящей части российского общества.

Литература

1. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов. М., 2006.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 137.
3. Барак Обама: Не вижу причины, по которым «перезагрузка» не может включать в себя общее стремление укреплять демократию, права человека и верховенство закона // Новая газета. 2009. 6 июля.
4. Дейк – Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
5. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
6. Журналистика в мире политики. Исследовательские подходы и практика участия. Под ред. С.Г.Корконосенко. Спб. 2004.
7. Менджерицкая Е.О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
8. Чернейко Л.О. Термин «дискурс»: поиски означаемого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
9. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М., 2006.
10. Фельгенгауэр П. Войскам пора отступать от правил // Новая газета. 2009. 18 февраля.

У.С. Баймуратова

Оренбургский государственный университет

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Если в прошлом нравственные ориентиры русского человека во многом формировали понятия, отражающие мир православия и религиозно-церковной жизни, то за годы советской власти религиозная лексика была отодвинута на периферию лексической системы и практически вытеснена из языкового сознания людей. Однако с крушением коммунизма и несмотря на наступившую после этого идеологическую разнородность нашего общества, можно говорить о возвращении идеологии религиозной.

Ведь то, что язык накапливал веками, невозможно уничтожить за несколько десятков лет. Как известно, в исконную лексику русского языка в разные исторические периоды его развития вошло немало слов из родственных славянских языков. Значительную роль в последующем становлении и развитии русского литературного языка сыграл старославянский язык. Начиная с XI века, он использовался в качестве литературного письменного языка для перевода греческих богослужебных книг и внедрения христианской религии в славянских странах (например, в Моравии, Болгарии, Сербии, в Древней Руси). Древнеболгарские просветители Константин (Кирилл) и Мефодий внесли в состав старославянского языка элементы из других, известных им живых славянских языков того времени, а также из языков неславянских, например, из греческого, в котором отразилась высокоразвитая традиция византийской культуры предшествующих эпох [Толстой 1961: 53].

Современные исследователи отмечают, что «это был язык "священный", т.е. нормализованный, функционально отличный от народно-разговорного языка. Как и всякий литературный язык, он был в известной степени искусственный и в эпоху средневековья ареально-интернациональный» [Сергеев 1991: 53], т.е. представлял своего рода «славянскую латынь», противопоставлявшуюся собственно латыни – латинскому языку, на котором шло богослужение во многих европейских странах.

Старославянский язык, применявшийся с самого начала в качестве языка церкви, а потому также называемый церковнославянским, в отдельных странах принимал локальные черты разных славянских языков и в этом виде использовался за пределами литургических текстов, в произведениях древней славянской литературы, включая древнерусскую.

Именно поэтому мы считаем неправомерным ограничивать религиозный дискурс только собственно религиозными текстами. Он включает в себя всю «совокупность идей, представленных как в тексте Библии, святоотеческой традиции и сочинениях христианских философов, так и в произведениях художественной литературы (вне зависимости от того, какова мировоззренческая позиция автора: атеистическая или религиозная), в фольклоре, отражающем наивную картину мира носителя определенной христианской конфессии, иными словами, всю человеческую жизнь, запечатленную в текстах» [Казнина 2005: 40].

Лексико-семантическая специфика, передающая особый вид ментальности данного типа дискурса, отражена в религиозной лексике, о зарождении которой мы можем говорить с конца X века, когда она стала постепенно использоваться за пределами литургических текстов большинством говорящих на русском языке.

В последнее время активизировались лингвистические исследования религиозной лексики; начали выходить специализированные словари, отражающие данную область культуры. Так, одним из первых лексикогра-

фических опытов стал «Словарь православной церковной культуры» Г.Н.Скляревской.

И.Н. Яблоков под *религиозной лексикой* подразумевает «совокупность слов (имён) с религиозными значениями и смыслами, как и составные наименования, предложения и прочее». Исследователь разделяет ее на две группы: 1) называющие предметы, персоны, действия, события с атрибутированными (лат. *attribuo* – придавать, наделять) свойствами или составляющими – *икона, джихад, крест, богослужение*; 2) называющие гипостазированные (от греч. основание, сущность) существа, области бытия, атрибутированные свойства и связи – *Бог, Святой дух, Ад, Рай, Чистилище, Всемогущий, Вездесущий, Провидение, Будда в теле Дхармы, Карма, реинкарнация* и т.д. [Религиоведение 2002: 531].

Иную классификацию религиозной лексики русского языка предлагает К.А. Тимофеев. В его исследовании она разбита на три группы. Первую он классифицирует как общерелигиозную, включающую слова, которые обозначают понятия, свойственные всем монотеистическим религиям (*Бог, душа, праведность, молитва* и др.). Вторую группу составляют слова, обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям (*Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь, исповедь* и др.). Третью группу образуют слова, свойственные отдельным христианским конфессиям (например, наименования священнослужителей: *батюшка, пастор, ксёндз, кюре, аббат, кардинал*; богослужений: *обедня, утренняя, всенощная, месса, лития, литания*; частей храма: *иконостас, притвор, паперть* и др.) [Тимофеев 2001: 14-15]. Однако за рамками данной классификации осталась религиозная лексика, присущая иным, помимо христианства, монотеистическим вероисповеданиям (исламу и иудаизму), религиозное, национальное и этическое мировоззрение каждого из которых также отражено в лексике русского языка.

Религиозная лексика подвергается практически тем же семантическим процессам, что и лексика других тематических групп, а именно: расширению и сужению лексического значения, появлению новых значений слов, развитию омонимии, изменению коннотативного значения и др. Особо отметим такое явление как деатеизация значения, о котором в своем исследовании говорит И.В. Бугаева. Так, *семинарист, поп, монах, монашка* и другие слова носили в советский период насмешливый оттенок. Сейчас это нейтральные слова, обозначающие людей, принадлежащих к той или иной церковной структуре. Происходит освобождение семантики слов от идеологических наслоений. Атеистической идеологией недавнего времени была вызвана и негативная окраска слов *церковник, подаяния, милостыня, каяться* и др. [Бугаева 2006: 138].

Обозначим основные тематические группы религиозной лексики, выделенные на основе анализа различных источников религиозной литературы:

- 1) основные понятия вероисповедания и богословские понятия (*Бог, Евангелие, вера, любовь, Царство Небесное*);
- 2) лексика христианской морали (*добро и зло, грех, милосердие, смирение, прощение*);
- 3) элементы церковного календаря (*Пасха, Рождество Христово, Троица, Страстная неделя*);
- 4) храм и его части (*алтарь, иконостас, амвон, паперть*);
- 5) богослужебная утварь (*дискос, лжица, кадило, купель*);
- 6) облачение духовенства (*орарь, ряса, подрясник, омофор, камилавка*);
- 7) наименования церковной иерархии (*иерей, диакон, епископ, патриарх*);
- 8) наименования святых (*апостол, пророк, святой, мученик, праведный*);
- 9) наименования колокольного звона (*благовест, трезвон, перезвон*);
- 10) наименования еды (*коливо, кулич, пасха, кагор, кутья, просфора*).

Таким образом, религиозная лексика, появившись в языковом сознании людей в X веке, до сих пор не утратила своей актуальности. После завершения советского периода она вновь широко используется в русском языке, продолжая функционировать как в текстах, так и в живой речи. Это свидетельствует о том, что религиозный дискурс нельзя безоговорочно отнести к уже сформировавшейся системе, раз и навсегда зафиксированной в религиозных текстах.

Литература

1. Бугаева И.В. Семантические процессы в религиозной лексике // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.2. С. 137-140.
2. Казнина Е.Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2004. 249 с.
3. Религиоведение: учебное пособие / под ред. проф. И.Н. Яблокова. – М.: Гардарики, 2002. 536 с.
4. Сергеев В. Русские православные праздники // Знание. 1991. № 8.
5. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000.
6. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. Новосибирск, 2001. 88 с.
7. Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1.

Е.А. Завалко

Самарский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ